

Рецензия на книгу

<https://doi.org/10.22455/2541-7894-2024-17-374-384>

<https://elibrary.ru/HLMRAI>

УДК 821.111(73).0

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Татьяна ВЕНЕДИКТОВА

РАЗГОВОР С ТОВАРИЩЕМ УИТМЕНОМ

(Rumeau, D. Comrade Whitman: From Russian to Internationalist Icon. Boston: Academic Studies Press, 2024. 376 p.)

Аннотация: В рецензии обсуждается книга Дельфины Рюмо «Товарищ Уитмен: от русской иконы к интернационалистической» (2024), в которой рассмотрен образ Уолта Уитмена как он формировался в России, а затем СССР в XX в. Уитмен, изначально воспринятый российской интеллигенцией как «космический» пророк и мистик, после революции 1917 г. превратился в социальную икону, символ коммунистического интернационализма и был очень заметен в этом качестве и в т. н. «третьем мире», и в левых кругах Европы и США. Очевидно, что апроприированность поэта идеологией (коммунистической, социалистической или либеральной) имеет двойственный эффект: обеспечивает популярность и влияние, но оборачивается монохромностью, высокой избирательностью восприятия. Встает вопрос: действительно ли активная рецепция творчества Уитмена в России закончилась с концом советской идеологии в 1980-х гг. (к такому выводу подводит исследование Дельфины Рюмо) или постсоветский образ поэта откроется наблюдению в другой оптике культурного трансфера?

Ключевые слова: Уолт Уитмен, культурный трансфер, рецепция, идеология.

Информация об авторе: Татьяна Дмитриевна Венедиктова, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой общей теории словесности (теории дискурса и коммуникации) филологического факультета, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Ленинские горы, д. 1, 119991 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1003-4338>. E-mail: tvenediktova@mail.ru.

Для цитирования: Венедиктова Т.Д. Разговор с товарищем Уитменом // Литература двух Америк. 2024. № 17. С. 374–384. <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2024-17-374-384>

Book Review

<https://doi.org/10.22455/2541-7894-2024-17-374-384>

<https://elibrary.ru/HLMRAI>

UDC 821.111(73).0

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Tatiana VENEDIKTOVA

CONVERSATION WITH COMRADE WHITMAN

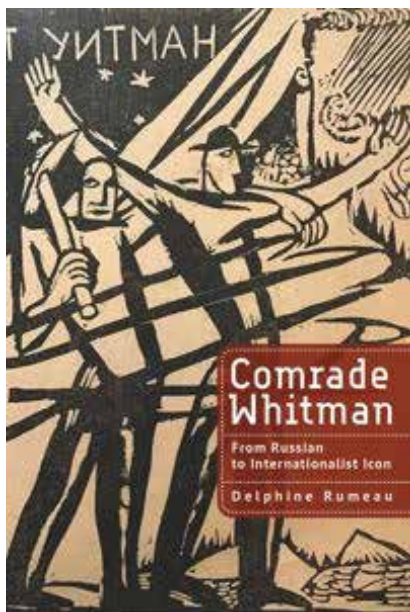
(Rumeau, Delphine. *Comrade Whitman: From Russian to Internationalist Icon*. Boston: Academic Studies Press, 2024. 376 p.)

Abstract: The review discusses Delphine Rumeau’s book *Comrade Whitman: From Russian to Internationalist Icon* (2024) — itself a discussion of the Russian and Soviet “uses” of Walt Whitman in the 20th century. Whitman initially impressed Russian intellectuals as a “cosmic” mystical seer, but following the 1917 revolution he was transformed into a social icon, politically correct because associated with communist internationalism and of stature in what was soon to become the “Third World” and “The Left” in Europe and USA. It seems obvious that for a poet to be appropriated by an ideology (whether communist, socialist, or liberal) entails both costs and benefits: “comrade Whitman” for one grew into a popular figure influence that tended to be quite monochrome and was viewed in a highly selective perspective. The question brought up in the discussion is this: was Whitman’s Russian career, indeed, aborted when Soviet ideology came to an end in the 1980s (which Delphine Rumeau’s study seems to imply) or would his post-Soviet fortunes in Russia become more visible if we use a different type of cultural transfer optics?

Keywords: Walt Whitman, reception, cultural transfer, ideology.

Information about the author: Tatiana D. Venediktova, Doctor Hab. in Philology, Professor, Head of the Department of General Theory of Literature (Theory of Discourse and Communication) of the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory 1, 119991 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1003-4338>. E-mail: tvenediktova@mail.ru.

For citation: Venediktova, Tatiana. “Conversation with Comrade Whitman.” *Literature of the Americas*, no. 17 (2024): 374–384. <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2024-17-374-394>

Пять лет назад было опубликовано обширное исследование профессора из Тулузы Дельфины Рюмо о трансатлантической рецепции поэзии Уитмена [Rumeau 2019; рец. на нее см.: Венедиктова 2020], — и вот уже новая ее книга выходит на английском языке. Книга имеет меньший объем и более узкий тематический фокус. Посвящена — «русскому Уитмену», а точнее, тому как «советский Уитмен» сначала вырос в международно опознаваемую фигуру Уитмена-интернационалиста, а потом исчез заодно с глобальной конфигурацией, состоявшей из «первого», «второго» и «третьего»

миров. Замысел книги, как он формулируется в предисловии, состоял в том, чтобы «представить идеи и формы современности, которые Уитмен воплощал в Европе и Америке, в транснациональном освещении» (xvii)¹, расположив в фокусе тот «удивительный перекресток» (xvii) интер- или транснациональных связей, каковой представляла собой сначала Российская империя, а потом, позднее — СССР.

Не только в названии книги, но и в названиях ряда разделов используется формула «от – к» (“from... to...”): она подразумевает изменение, преобразование, становление нового качества. В десяти главах в хронологической последовательности описываются метаморфозы, которые переживал образ Уитмена в восприятии русских/советских читателей на протяжении XX столетия. Прекрасное знание предмета позволяет Рюмо осуществлять и уверенные экскурсии «вбок», проводя параллели с литературами других стран, на разных языках. Благодаря этому основная тема разворачивается стереоскопически, в чем я вижу «изюминку» книги (особо стоит отметить подборку упоминаний и интертекстуальных отсылок к поэзии Уитмена на украинском, литовском, эстонском и идиш).

¹ Здесь и далее ссылки на рецензируемую монографию даны в скобках в тексте рецензии.

В целом же нарратив выстраивается примерно такой: исходно российскую, как и западноевропейскую, публику впечатлил Уитмен-«дикарь», великолепный примитив, говорящий голосом самой природы, в котором одни видели черты эллинско-дионисийские, другие — германско-варварские. Потом он же был переображен как гений городской среды, «первый футурист», готовый разнести в прах усталые порядки «старой» цивилизации. Параллельно он же почитался как проповедник космизма, соборности и любви, — то ли «второе солнце христианства» (102; слова И. Репина), то ли возрожденный еврейский пророк (110). Таково краткое содержание первых трех глав. В них много интересных подробностей, но нет, пожалуй, яркой концептуальной новизны: все три обличья американского классика так или иначе освещались в критике. А вот история политической эксплуатации образа поэта-демократа, начавшаяся в России раньше 1917 г., но приобретающая небывалый масштаб в советский период в контексте «огосударствления» культуры, а затем глобального противостояния социальных систем, — эта история всерьез и критически до сих пор не рассматривалась. Слово “icon” в англоязычном употреблении отсылает в равной степени к объекту религиозного культа и семиотическому объекту (мы и по-русски уже привычно говорим об иконах стиля, иконах моды, иконках-значках в интернете и т. д.). Этой двузначностью автор книги последовательно играет, описывая процесс, по ходу которого первый американский авангардист, дерзкий возмутитель литературного спокойствия обращался в чинного классика и в политкорректный политический миф.

Еще в конце XIX в. в Уитмене видели соратника социалисты и анархисты — в послереволюционной России он начинает восприниматься как протобольшевик. Портрет американского поэта кисти Бориса Григорьева освящал — в виде огромного, иконоподобного панно — празднования первой годовщины нового строя в Петрограде и Воронеже. Отсюда Уитмен зашагал через границы и к 1930-м гг. уже и в Западной Европе, и в Америке хорошо опознавался как образцовый пролетарский поэт, коминтерновский «попутчик». В годы Второй мировой войны он — знамя демократии, противоборствующей фашизму, в 1950–1960-х — знамя социалистического интернационализма, «троп солидарности» (244), посредством которого «второй» и «третий» миры, от Латинской Америки до Китая, при естественном лидерстве СССР, утверждали себя в противостоянии Западу.

Так уж получилось, что американский классик в XX в. был принят на госслужбу — причем не только советскую. Дешевые карманные издания извлечений из «Листьев травы» выходили огромными тиражами по-русски (например, в «Библиотеке “Огонька”») и по-английски. Сборник «Уитмен времен войны» (1942) был издан в США в виде пейпербека, чтобы напоминать американским солдатам, рассеянным по миру, о родине и ценностях демократии. Плата за статус популярной иконы — тщательная контролируемость образа, жесткий отбор допустимых и приемлемых характеристик. Этому особенно способствовало распространение в переводе: советский читатель об Уитмене, как правило, слышал, но читал только в извлечениях, причем поразительно однообразных. В «канон» вошло лишь около десятка стихотворений и небольших поэм², в их числе «Salut au monde!», «Европейскому революционеру, который потерпел поражение», «Европа (72-й и 73-й годы этих штатов)», «Пионеры», «Песня о топоре», «Песня большой дороги», «Песня о выставке». Даже «Песня о себе» в этом ряду выглядела бы излишеством. Полный же текст «Листьев травы», переведенный Дмитрием Майзельсом (1881–1941) еще в 1930-е гг., так и не увидел свет, по причинам, в которых нам теперь не разобраться, но одной из них было, видимо, пристрастное отношение, если не ревность, Корнея Ивановича Чуковского. Как главный русский уитменовед Чуковский заслуживает, конечно, великой благодарности: с 1910-х по 1960-е гг. он оставался главным блюстителем интересов американского классика в России — писал о нем, переводил, пере-переводил и упорно переиздавал. Его итоговая, очень лирическая книжка «Мой Уитмен» (1965) прекрасна. Но факт остается фактом: первое полное издание «Листьев травы» появилось по-русски только в 1982 г. под редакцией М.О. Мендельсона. Мендельсон писал об Уитмене начиная с 1950-х, и тяготел — в стилистике тех лет — к академической публицистике, т. е. видел в поэте прежде всего, если не исключительно, гражданина (это, кажется, раздражало Чуковского, но свое раздражение он благоразумно выражал только на страницах дневника).

Словом, Уитмен был политически «оприходован» и по ходу дела залит хрестоматийным гляncем. Результаты процесса я когда-то, в роли начинающего преподавателя зарубежной литературы, наблю-

² Оригиналы некоторых Рюмо приводит целиком в приложении, что само по себе выразительно: на сегодня это далеко не самые читаемые из опусов Уитмена.

дала очень наглядно: всяк, кому на экзамене попался вопрос по Уитмену, начинал с сообщения о том, что тот боролся против рабства негров, — что более или менее соответствовало фактам, но вызывало у экзаменатора жестокую тоску. Уитмен включался во все рекомендательные списки, его книги выходили, юбилеи праздновались, но... образ его был обездвижен, предсказуем и на удивление мало менялся. Рюмо цитирует пассаж из монографии М.О. Мендельсона «Жизнь и творчество Уитмена»³: ссылаясь на две круглые даты — 100-летие со дня первого издания «Листьев травы» в 1955 г. и 150-летие со дня рождения поэта в 1969-м — автор издания утверждает: обе «оставили неизгладимый след в умах тысяч и тысяч мужчин и женщин моей страны, Союза Советских Социалистических Республик» (272). Оставили, нет ли, мягко иронизирует Рюмо, кто знает? Может быть, пафосная фраза — не более, чем фасад, а может, и нет. Поиск свидетельств в ту или другую сторону показывает, что не-литературоведы про Уитмена вспоминали редко, хотя в популярной культуре он как будто бы был представлен. Впрочем, и последний тезис нечем особенно подтвердить, — разве, вот, в фильме «Смок и Малыш» (адаптация «Смока Белью» Джека Лондона 1973 г.) Вениамин Смехов в роли главного героя читает стих из «Песни большой дороги».

Что до советских/русских поэтов, то после Бальмонта Уитмен, кажется, никого не вдохновлял особо и последовательно. Потому ли, что свободный стих воспринимался как нечто чуждое русской традиции? — предполагает Дельфина Рюмо. Или мешала «присвоенность» классика официозом? Про Хлебникова с Маяковским как наиболее явных восприимчивых уитменовского «вызова» много написано еще Чуковским. Рюмо тоже обращается к этой теме и обобщает так: Хлебников сначала воспринимал Уитмена настороженно, потом с нарастающим интересом, а Маяковский, наоборот, был сначала глубоко впечатлен, а позже исполнился скепсиса (в поэме «150 000 000» Уитмен предстает «в тесном смокинге» как подданный Вудро Вильсона, бессознательно служащий мировому капиталу).

Так или иначе, получается, что «политический Уитмен» входил в мировую культуру окольным путем — через советскую Россию и Латинскую Америку (творчество Пабло Неруды). На родину во

³ Книга увидела свет в 1965 г., расширившись, но не изменившись концептуально сравнительно со статьями 1950-х; в цитируемой Рюмо переводной, англоязычной версии, вышедшей в издательстве «Прогресс» в 1976 г., изменений, конечно, и не предполагалось.

второй половине XX столетия он возвращается в ореоле «левой меланхолии» (У. Лоунфелс, Т. Макграт, Л. Ферлингетти, А. Гинзберг). Если в восприятии Маяковского и Неруды главное в Уитмене — оптимизм и героизм, то представители поэтической «контркультуры» акцентируют в нем негативность и страдание (290). А дальше на первый план выходит «либеральный и почти диссидентствующий» (276) «анти-идеологический» (298) Уитмен, воспевающий человеческое тело и его аппетиты. Политический имидж поэта переформатируется в духе новых лозунгов, отождествляющих личное с политическим (personal is political), — борьба и протест перемещаются из классовой плоскости в гендерную. Последняя, десятая глава книги Рюмо посвящена возвращению Уолта Уитмена «из СССР» и новому тренду в глобальном трансфере: «...теперь уже не Москва определяла распространение образа Уитмена-борца, а скорее Соединенные Штаты» (298).

Самый интересный и даже болезненный для меня как читателя книги Дельфины Рюмо вопрос — следующий: почему эта динамичная и увлекательно рассказанная история так внезапно и бесповоротно иссыкает вместе с холодной войной? Мы узнаем, что «со второй половины 1980-х упадок популярности Уитмена в СССР только ускорился», и в этом смысле уже ничто не менялось вплоть до середины 2010-х, в то время как на Западе обнаружился подъем: «...в России Уитмен погружался во мглу, — на Западе он становился все более заметен, обретал все большую политическую значимость» (299). Но тот Уитмен, которого контркультурные движения в США поднимали на щит, «в Советском Союзе выглядел неуместным» (298) — «свинцовое покрывало брежневской поры» служило прекрасным изолятором. С этим можно согласиться только отчасти. Неофициальный диалог культур продолжал происходить — он анализировался, в частности, в докладе Кирилла Корчагина на юбилейной уитменовской конференции в МГУ в октябре 2019 г. На услышанный тогда доклад Дельфина Рюмо ссылается в сноске на с. 303, но дальнейших изысканий в этой области не видит возможности предпринять⁴.

Выходит, что у «советского» (1920–1980-х гг.) Уитмена была предыстория, а пост-истории уже не случилось. «Одним из последних советских вкладов в разработку наследия Уитмена, — читаем мы на

⁴ Не то чтобы такой возможности нет [см. Корчагин 2021], но очевидно, что для зарубежного исследователя доступ к этому материалу, его интерпретация и т. д. серьезно затруднены.

с. 278, — стала диссертация Татьяны Венедиктовой в 1982 г. Затем Уитмен как будто увял в “безвоздушном пространстве”, как его иногда описывают, ранних 80-х». Имя аспирантки Татьяны Венедиктовой в этом контексте я воспринимаю как косвенный и, увы, заслуженный упрек. Недостало, к сожалению, таланта и пассионарности, какие, бесспорно, были у Чуковского: тот неустанно, каждые девять лет своей жизни что-нибудь про Уитмена да публиковал, прославляя его и ловя каждую следующую волну потенциального интереса. Но неужели и вправду после «последних советских вкладов» вокруг имени Уитмена образовалась пустыня и культурная история — в рамках данного сюжета и в данной местности — прекратила течение свое? Финал главы звучит как приговор: какая-либо динамика в восприятии Уитмена во «втором» мире иссякла в 1980-х гг. (“The end of the 1970s and the 1980s marked the end of Whitman’s momentum in the Second world”, 299). Хорошо, что «этот спад был отчасти компенсирован возвращением Уитмена в Китай и распространением его поэзии на других языках, например, арабском» (298). Возможно, здесь намечается тема следующего исследования Дельфины Рюмо...

Вот над чем эта интересная книга заставляет задуматься. «Товарища»⁵ Уитмена, как показывает история, всякая партия норовила поставить под свое знамя, записать в свои ряды. «Партийный» Уитмен нагляден и заметен, а «беспартийного» поэта, с которым каждый читающий соприкасается лично, — трудно разглядеть и еще труднее обобщить. Но с «товарищем Уитменом» проблема та, что он не расположен к настоящему разговору. Он склонен призывать, бросать вызов, воспевать, обличать, т. е. весь соткан из риторики и, безусловно, не равен себе как поэту. Это, кстати, остро чувствовал Корней Иванович Чуковский, по-разному и не раз говоривший о том, что в Уитмене мало видеть эстета-экспериментатора, но видеть в нем публициста, игнорируя поэта, — тоже мало.

Дельфина Рюмо тактично не настаивает на том, что Уитмена в СССР воспринимали «неправильно» (“misinterpretation — a word I carefully avoided,” 305), — хотя то, что он стал жертвой пропагандистских упрощений, слишком очевидно. Образ советского Уитмена парадоксален, демонстрирует одновременно инертность и пластичность: одни и те же общие места подверстываются всякий раз под актуальный

⁵ Сам Уитмен охотно использовал странное слово «камерадо», помесь чего-то испанского с чем-то французским, притом что ни одним иностранным языком он не владел.

интерес. Понятно, что «Уитмен, продвигаемый официально, — не совсем тот, кого читали и ценили частным образом» (283), но много ли мы знаем об этом втором Уитмене? А главное: как о нем узнать?⁶ Претензии по этой части следует предъявлять, конечно, не Дельфине Рюмо, а нашим собственным лени и нелюбопытству. Понять, на примере рецепции Уитмена, что происходило с постсоветскими читателями в пределах тридцатилетия «после СССР», можем только мы сами.

В книге есть еще «Кода», где читателю предлагаются два эффектных визуальных факта, относящиеся к России уже нового тысячелетия. Первый — мурал с портретом Уитмена работы уже упо-

⁶ На с. 272 разбирается «Пролог» (1955) Е. Евтушенко — на предмет присутствия в стихотворении уитменовских мотивов. Они обнаруживаются — в признании жадной любви к многообразию жизни («Я такой многообразный»), в образе травы («Пою и пью, не думая о смерти, / Раскинув руки, падаю в траву») и... в образе арбуза: «...алыми морозными кусками арбуза августовского хрущу». Усмотрение уитменовского интертекста в последнем случае объясняется ссылкой на историю, которую раннему биографу Уитмена Ричарду Морису Беку рассказал друг поэта Питер Дойл. Однажды (в 1865 г. в городе Вашингтоне) они с Уитменом развели арбуз прямо сидя на тротуаре. На смешки прохожих Уитмен реагировал фразой «Пусть их смеются, у нас ведь арбуз». Возможно, по этой причине, предполагает Рюмо, Эзра Паунд в пародии на Уитмена тоже обыграл арбузную тему («когда я ем арбуз, весь мир ест арбуз»), а Аллен Гинзберг коснулся ее же косвенно, воображая Уитмена в калифорнийском супермаркете. Кажется, маловато, чтобы усмотреть в арбузе кочующий мотив (к тому же в стихотворении Гинзберга Уитмен стоит рядом с мясным холодильником, а у прилавка с арбузами маячит Лорка), но деталь очень мила своей человечностью.

мянутого Бориса Григорьева. Он появился в 2022 г. на торцовой части дома 11 по улице Киселева в городе Пскове, — отчасти как реклама местного музея, где портрет хранится. «Уличный» Уитмен издали зрим, а безответных вопросов вокруг него плодится много. Узнают ли прохожие американского поэта? Или принимают за Толстого? или за Дарвина? А если узнают, считают ли достойным украшением города (разноречивые мнения на этот счет озвучивались в сети)? Второй факт — бронзовая статуя Уитмена работы скульптора Александра Бурганова, установленная в 2009 г. рядом с гуманитарным корпусом МГУ в порядке приснопамятной «перезагрузки» отношений между США и РФ. Идя на занятия в университет, я эту фигуру всякий раз приветствую. И даже думаю, что за помпезность образа (классичность обозначается колонной, на колонне — крылатый Пегас) Уитмен на нас не в обиде: он же сам писал: «Я широк, я вмещаю множество разных людей». Зато ему, конечно, приятно стоять среди вечно молодой, как трава, подвижной и смешливой студенческой поросли. Время от времени кто-нибудь подходит почитать, что там написано на пьедестале. А там написаны строчки из «Письма русскому», которое Уитмен адресовал вовсе не русскому, а некоему ирландцу, который в 1882 г. собрался перевести его поэмы на русский язык⁷: «Вы, россияне, и мы, американцы!... так далеко друг от друга, кажемся настолько разными, но все-таки... чем-то самым главным, наши родины так похожи...». Цитату для памятника несколько подредактировали (“Russians” перевели как «россияне», в духе перестроечных времен) — впрочем, она и сама по себе эффектна: Уитмен все же *был* и публицистом, и грамотным «пиарщиком». Но в другом, главном своем качестве — большого поэта — он изъяснялся иначе, и, будь моя воля, я бы сопроводила его бронзовое присутствие строчкой из стихотворения. Например, из того, что называлось поначалу «Тебе, кто бы ты ни был», а в поздней, окончательной версии просто «Тебе»: «Никто меня не знает из тех, кто меня почитает и хвалит». К этому можно добавить чуть более оптимистичное трехстрочие из финала «Песни о себе»:

Если вам не удастся найти меня сразу, не падайте духом,
Если не найдете меня в одном месте, ищите меня в другом,
Где-нибудь я остановился и жду

⁷ Чуковский К.И. Мой Уитмен. М.: Прогресс, 1966. С. 187.

В самом первом издании «Песни» — том самом, что поэт печатал собственноручно, он не поставил точку после «жду» (в оригинале после слова “you” — «ты» или «вы»). Поиск Уитмена — в разных местах и временах — будет, конечно, продолжен.

ЛИТЕРАТУРА

Венедиктова 2020 — Венедиктова Т. “Je chante avec toi, Walt Whitman” // Литература двух Америк. 2020. № 8. С. 469–477.

Корчагин 2021 — Корчагин К.М. Между Уолтом Уитменом и битниками: Вениамин Блаженный и Ксения Некрасова // Новый мир. 2021. № 7. С. 181–199.

REFERENCES

Korchagin 2021 — Korchagin, Kirill M. “MezhdU Uoltom Uitmenom i bitnikami: Veniamin Blazhennii i Kseniia Nekrasova” [“Between Walt Whitman and the Beatniks: Benjamin the Blessed and Kseniia Nekrasova”]. *Novyi Mir*, no. 7 (2021): 181–199. (In Russ.)

Rumeau 2019 — Rumeau, Delphine. *Fortunes de Walt Whitman. Enjeux d’une réception transatlantique*. Paris: Classiques Garnier, 2019.

Venediktova 2020 — Venediktova, Tatiana. “Je chante avec toi, Walt Whitman.” *Literatura dvukh Amerik*, no. 8 (2020): 469–477. (In Russ.)

© 2024, Т.Д. Венедиктова

Дата поступления в редакцию: 28.07.2024

Дата одобрения рецензентами: 29.08.2024

Дата публикации: 25.12.2024

© 2024, Tatiana D. Venediktova

Received: 28 Jul. 2024

Approved after reviewing: 29 Aug. 2024

Date of publication: 25 Dec. 2024